

СТРАХ

Рассказ

1.

Где это случилось: у берегов холодного Байкала? Или студеного Тихого океана? Или ему чудится это: тонкий волосок горизонта, как нервно дрожащая струна. Но звука нет. Гробовая тишина. Там небо сливается вдаль то ли с далекой покинутой землей предков, то ли с водой океана, чудятся раскидистые сосны, которые качаются, слушая голос ветра...

Но нет, это иллюзия. Вокруг - немая земля, безжизненная и пустая; в ней что-то должно произойти. Он чувствовал это и всматривался, всматривался туда...

Что-то крошечное движется по желтой выжженной земле. Издали это похоже, что мышь вылезает из своей норки. Нет, пожалуй, это не мышь. Словно спичечный коробок ползет, ползет, медленно обретая жуткую реальность, и он все еще не хотел верить видению...

Вот выполз один коробок. Затем другой. Они выкатываются бесконечно, как будто кто-то толкал их из подземелья. Ровные серые коробки, у которых путающая безликость и однообразность. Это вагоны, обыкновенные товарные теплушки, над которыми не курится дымок. Нет дымка и от паровоза. Его вообще не видно, и все становится жутким... Двери вагонов распахнуты, но издали не разглядеть, что внутри. Все ближе и ближе состав, и теперь явственнее, что внутри едут люди. В середине вагонов пусто, а по торцам и бокам пристроены нары. Один вагон словно замирает перед ним, и каким-то внутренним зрением он видит, сколько в нем народу. Дети, старики, женщины. Много женщин. Они сидят, отвернувшись от него, лицом на восток, словно статуи в буддийском храме. Их глаза сухи, а рты плотно сжаты. Никто не плачет, даже не шевелится. Тишина. Даже не слышно стука вагонных колес...

И тут он впервые заметил - точно посередине вагона, на грязном обшарпанном полу сидит белобородый старик с высоким лбом мудреца, а на руках у него - мертвый ребенок. Старик прямо и напряженно смотрит на него сухими воспаленными глазами. Он вопрошает... О чем? Что он взыскует...

В один из осенних дней 1937 года все советские корейцы, от новорожденных несмышленишек до почтенных и почитаемых старцев, стали не по своей воле «пассажирами» теплушек, увозивших их от родной земли. Сколько нужно было вагонов для корейцев? Сто, тысячу, десять тысяч?.. Велика была держава, и щедро могла она наделить крепко сколоченными вагонами целые народы, чтобы обезопасить свои границы... Ехали с одной стороны обреченные сыны Кавказа и потомки сионских пророков, а навстречу им двигались дети «утренней свежести», так и не ведая, за что и почему их взяли от родных очагов, от могил пращуров. Дети рождались и умирали прямо в вагонах, не зная и не ведая своей короткой жизни. Умирали и старики, молча и беззвучно... Даже могил этих крошечных «пассажиров» не осталось вдоль транссибирской дороги, никто не оставил следа своего...

вагоны все катились и катились в безмолвии, и ему стало тошно от этой нескончаемой ленты, комок в горле не давал дышать. Что я могу поделать! - хотелось крикнуть ему, но он не мог. Страх сжимал ему голосовые связки...

Залаяла где-то собака, и он проснулся. Преподаватель Ли лежал в том же положении, как и заснул, - на левом боку, подогнув колени к подбородку. Собака захлебывалась от частого и непрерывного лая. У него заколотилось сердце, и становилось страшно. Тело затвердело и съежилось. Икры прилипли к ляжкам, и правая рука стала деревянной от холода: огонь в печи-котрамарке давно погас. Да и сама печка была неказистая, с тонкой стенкой, такую топить - дров не напасешься.

«Наверное, уже близко к утру. Сколько времени? Четыре? Пять?» - гадал преподаватель, в ознобе дрожа всем телом.

Это было самое тревожное время суток. Все знали, что именно в эти часы, когда люди спали крепким сном, обходили дома крепкие сытые люди в ладной военной форме, с оружием и властными голосами. Месяц назад они забрали преподавателя Кима. Это знали все спецпереселенцы, шепотом передавая вести друг другу.

Собака продолжала лаять, истошно и отчаянно. Так не лают на зверей, даже на гиен или шакалов. Так лают на людей в предчувствии смертной гибели все собаки, когда их везут на живодерню. Когда умолкла собака - разом, - он понял, что это были они. У них были приклады - тяжелые, какие сразу могут раскроить кости черепа.

Преподаватель Ли повернулся на спину и осторожно распрямил затекшую руку, стараясь не разбудить жену, которая спала рядом. Послышались гулкие шаги, быстро-быстро мимо окна прошли люди. Тени мелькнули по стеклам, удаляясь от его дома. Все смолкло.

Только теперь он почувствовал, что на его дрожащем от холода плече лежит горячая рука жены.

- Холодно. Надо разжечь огонь, - пробормотал он, намереваясь встать.

Но жена не убирала ладонь. Она не хотела, чтобы он покинул ее в эту минуту. Ей было страшнее, чем ему.

Преподаватель Ли вздохнул и тихо обнял жену. Стало немного легче. Страх постепенно покидал его. Медленно наступал рассвет.

2.

В тот ненастный день преподаватель Ли освободился рано. У него было всего две лекции. И сейчас он стоял спиной к печке и грелся. В преподавательской было тепло и уютно. А на улице морозно. Ветер гнал сухую промерзлую пыль, от которой не было пощады. Если бы не обед, он бы оставался тут до вечера. Дома ждала жена, но ему не хотелось отрываться от печки, приятно согревавшей спину.

В преподавательскую вошла сморщенная, как печеное яблоко, пожилая корейка - секретарша ректора - и шепотом сказала Ли, что его приглашает к себе ректор. У него екнуло сердце. Это была неожиданность: ректор еще ни разу не вызывал его персонально.

«Неужели я допустил какую-нибудь оплошность?» - подумал он, перебирая свои поступки последних месяцев. Но сколько ни размышлял, вспомнить толком ничего не мог: говорил он только то, что написано в учебниках, не рассуждал о политике ни с кем и никогда. Ректор был новым человеком в Корейском педагогическом институте, назначен совсем недавно. Никто не знал, откуда он и что за человек. Ясно было одно: если его назначили в это

тревожное время, значит, он пользовался доверием руководящих инстанций. Корейский пединститут был переведен сюда, в Кызыл-Орду, из Владивостока вместе со всем коллективом и уже обжился понемногу, наладил свое малое, тихое дело. И вот был назначен новый ректор, не кореец, и было ему лет за сорок. Он обладал маленькими, аккуратно подстриженными усиками и черным жестким волосом на голове и в ноздрях.

Институт располагался в «Красной крепости» - казарме с низкими овальными сводами, построенной еще царской армией из тяжелого плитного известняка. Кабинет ректора находился в конце коридора на втором этаже. Двери дубовые, массивные. Преподаватель Ли решил, что никогда не видел таких крепких дверей с коваными петлями и широкими, намертво склепанными накладками. Верно, раньше здесь находился какой-нибудь высокий армейский чин, подумал боязливо он, робко постучав костяшками пальцев в глухое дерево.

Никто не ответил. Он помялся и неуверенно повторил стук, чуть сильнее. В кабинете еле слышно ответили, и тогда он с усилием отворил дверь, заскрипевшую в несмазанных шкворнях.

Кабинет был громадным, с овальными окнами и полукруглой голландской печкой в углу. Ректор сидел в дальнем конце зала и писал какую-то бумагу. Было слышно, как скрипит его перо да ветер швыряет в стекло горсти сухого песка. От штор было сумрачно, и в полутьме выделялась теплым ласковым светом только настольная лампа со стеклянным узорчатым абажуром и металлическим ободком, на котором отчетливо прочитывался поставленный краской инвентарный номер.

Преподаватель Ли некоторое время мялся у порога, разглядывая кабинет, пока ректор молча не указал ему подбородком на стул - единственный возле стола. Он сел, подобрав под себя ноги. Его не покидала мысль о какой-то ошибке, допущенной им.

Наконец ректор отложил бумагу и принялся толстыми пальцами с корявыми ногтями перебирать цветные карандаши в подставке. Найдя красный, грубо отточенный, с жирной надписью «Рот фронт», он размашисто подписал бумагу и положил ее в кожаную папку.

- Как поживаете? - обратился он к преподавателю Ли.

Это приветствие или вежливый вопрос, определить было трудно.

- Спасибо... Ничего, - ответил Ли и опустил голову.

- Ничего? Как ничего? - резко переспросил ректор. - У нас не может быть «ничего»...

Преподаватель Ли опешил. Если не может быть ничего, то наверняка что-то случилось.

- Вы хотите сказать, что я в чем-то виноват?

- Вы меня не поняли. Вы же прекрасно понимаете, что происходит. Каждый день что-то случается. Люди исчезают... Разве это ничего, если увозят преподавателей или студентов. Увозят сами знаете куда...

Ли успокоился: значит, речь идет не о нем.

- Как вы думаете, что надо делать, чтобы предотвратить эти несчастья?

Преподаватель Ли не знал, как ответить. В словах ректора он почувствовал подвох.

- Я вас уважаю и верю, - продолжал ректор. - Мне необходим разговор откровенный и начистоту. Вот я познакомился с вашей биографией, - ректор постучал ногтем по папке. - У вас отличное социальное происхождение, истинно трудовая биография. Внук бедняка, сын бойца-дальневосточника...

Ли вздохнул. Неспроста ректор изучил его биографию. Явно неспроста.

- Буду откровенным. Ходят слухи, что наш институт собираются закрыть. Вы слышали

что-нибудь об этом? Нет? Так вот - слухи лишены оснований. Вы догадываетесь, почему ректором назначен я, а не кто-нибудь из корейцев? Институт скоро перейдет в статус государственного. Чувствуете разницу? Будем учить по утвержденным программам. На русском языке. И никакой самодеятельности.

Снова Ли вздохнул. Ему стало грустно. Жаль было родного института, созданного еще там, на Дальнем Востоке. Жаль преподавателей, студентов, самого себя. Ему захотелось плакать, но он справился с собой, промолчал.

- Лично вам это ничем не грозит, - продолжал ректор, постукивая ногтем по папке. - Вы кончили русский вуз, хорошо владеете русским языком и языком коренной национальности. Вам можно доверить лекции в новом институте... Но я обязан освободить преподавателей, не освоивших русский. Ясно?

Преподаватель Ли не мог вымолвить ни слова.

- В связи с высказанным у меня просьба... недовольные будут. Но я хочу, чтобы было меньше пострадавших. Нужно все предвидеть. И вот я хочу просить вас... - Ректор испытующе посмотрел на Ли.

- Я слушаю, - пробормотал тот.

- Чтобы предупредить беду, нужно пресечь слухи. Нежелательно, чтобы люди сами себя подвергли опасности. Все эти пересуды-кривотолки необходимо остановить. Людей еще можно спасти, вы понимаете?

- Понял, - сказал Ли и осекся. В мгновение он со страхом понял, что совершил глупость - гадливую и жалкую глупость.

Но было поздно.

- Вот и отлично. Я не ошибся в вас. Ваша задача - честно и оперативно извещать меня о всех провокациях среди преподавателей, о всех подстрекателях. Истинно советский человек должен поступать как патриот... У нас много врагов, и никто не может быть в стороне. Вы меня до конца поняли?

Это была прямая угроза. Преподавателю Ли показалось, что он услышал снова стук кованых сапог, как это было ночью. Он вздрогнул. Было невыносимо то, что произошло, и хотелось скорей уйти отсюда.

- Приятно было познакомиться. Не забывайте, я на вас рассчитываю. Для вас я всегда на месте... Естественно, разговор должен оставаться между нами... Прощайте, - и ректор протянул ему свою корявую руку. Заусеницы больно кольнули ладонь преподавателя Ли, отчего он окончательно пал духом...

В коридор он вышел, как в тумане. Хотелось туда, на воздух, из духоты институтских стен, давивших его почти до физической боли, до изнеможения. Незаметно проскользнул он в преподавательскую, судорожно одел мятое старое пальто, нахлобучил собачью меховую шапку и выбежал на улицу.

К счастью, кругом было пусто и никто не встретился ему...

3.

Преподаватель Ли брел наугад, не разбирая дороги. Слова ректора звучали в ушах. Страх от сделанного ему предложения смешивался с омерзением собственного ничтожества, будто он уже донес на кого-то. Донес, чтобы самому оставаться нетронутым, ходить на обед к жене, спать возле ее теплого тела...

Мимо пронесся, фырча и чихая, грузовик с расхлябанными бортами и полуоткрытым капотом. Пыль от него походила на дымовую завесу. А навстречу, как в колдовской связке, закрутился песчаный смерч - одинокий неприкаянный столб, вращающийся вместе с обрывками бумаги и кусками истлевшего кизяка. Смерч был такой же постоянной достопримечательностью города, как и этот единственный грузовик, несущийся зигзагами вдоль улиц. Ли вспомнил, что смерч по-корейски называется «чертов ветер», и по народному поверью стоит засунуть в вихревой столб руку с ножом, как на ней окажется кровь. Настоящая кровь, невесть откуда взявшаяся из пыли вековой пустыни... Ли был одинок на пустой дороге, и он боялся и смерча, и грузовика, и любого прохожего, если бы тот оказался тут. У него сейчас не было даже друга. А друг был нужен, чтобы исповедаться. Раньше у него был такой друг - преподаватель Ким. Месяц назад он был арестован, и никто не знал о его судьбе. А ведь Ким был бедняком, родом из крохотной деревни. Ее так и звали «Деревня десяти дворов». Когда Ким решил поехать в Москву учиться, отец собрал в долг все деньги, которые только были в такой нищей деревне. Денег хватило на билет в один конец. Ким сел в поезд «Владивосток-Москва» босиком, в одной крестьянской одежке и соломенной шляпе, в которой работал с отцом в поле. С собой у него была только холщовая сумка с парой соломенных сандалий и горсть жареных соевых бобов. Что он ел всю длинную дорогу - знает только он сам. Не поступить в институт он не мог: нельзя было подвести всю деревню «Десять дворов», которая так надеялась на него. Он должен был поступить, и он поступил. И ни куда-нибудь, а в Московский университет...

И вот такого человека арестовали. Бедняка, ставшего учителем корейской истории, знавшего наизусть все эпохи династий и правителей, все поучения и наставления мудрецов - начиная от Конфуция до Маркса и Ленина... Как можно понять все, - думал Ли, не замечая, что смерч вновь возник на его пути и начал подкрадываться к нему, то раскачиваясь на месте, то толчком двигаясь на него.

«За кого меня принимает этот коротышка - ректор? Разве он предложил бы такую пакость преподавателю Киму? Нет, никогда бы не предложил... Значит, я - ничтожество, подлый и вонючий трус...»

Нельзя было идти домой. Стыдно и противно. Смерч подошел совсем близко и снова замер, но преподаватель Ли шел так решительно навстречу, что столб пыли попятился и сполз на лед Сыр-Дарьи. Ли тоже спустился, разговаривая сам с собой. Он знал, что за рекой живут корейцы. Они, колхозники, зимовали сейчас в степи, в землянках, покрытых камышами. На льду было множество тропинок, протоптанных ишаками, на которых казахи ездили в заречье. Вот и сейчас в бессильно опадающем смерче шевелилось что-то живое. Это ехал долгобородый степняк в стеганом халате, понукая своего ишака.

«Может, там за рекой и мои родители», - тоскливо подумал Ли, глядя, как расходятся, словно спицы на веере, черные тропинки на пыльном, неровном от торосов льду. Родители приехали позже его, с колхозниками, другим эшеленом, и он ничего не знал о них, кроме короткой весточки, что передали его жене на рынке. Они были живы, это главное, но сейчас

даже они ни в чем не могли бы помочь ему... Кстати, за реку корейцам переходить было строго запрещено, и преподаватель Ли знал об этом...

Из степи донесся протяжный вой волка. Лед под ногами затрещал, и преподаватель Ли оглянулся назад. Ссылный город Кызыл-Орда был покрыт дымом от печей, топившихся саксаулом и кизяком; город пытался согреться от стужи. Бледное зимнее солнце, похожее на молочное пятно, низко висело над горизонтом.

Куда же пойти? Кто донес на преподавателя Кима? Как помочь отцу с матерью? Что делается в этом мире? - вопросы, которые он задавал сам себе, висели над ним пострашнее хищного смерча, и он не знал ответа. Он успокоился лишь тогда, когда достиг разрешенного ему берега и сел прямо на снег, дальше идти запрещено. Он вспомнил, как преподаватель Ким рассказал им, что значит русское слово «провокатор»...

- Это было в Москве, во время каникул, - рассказал Ким. - Я нанялся на мясокомбинат заработать. Там забивали скот с помощью такого «провокатора».

- Что же это за человек? - спросил тогда Ли.

- Нет, это обыкновенный козел, но очень хитрый и смысленый. Хозяин выучил его водить овец за собой в узкий коридор, ведущий к месту забоя скота. Там пахло кровью, и овцы сами не шли туда. Но хозяин сделал для козла маленькую дверцу и, когда козел до нее доходил, открывал ему ее, и он туда прятался. Дверца сразу закрывалась, а овцы, напирая друг на друга, вталкивались по одной в место бойни, где их по очереди забивали на мясо. Для нас, корейцев, не знавших вкуса баранины, это все было дико, особенно такая роль старого хитрого козла, которого изредка кормили свежей капустой и яблоками за подлую роль... Но и этому козлу пришел конец. То ли козел в чем-то провинился, то ли сам хозяин отлучился куда-то и забыл о работе своего наймита, но только заветная дверца не открылась вовремя, когда очередной раз на бойню привезли жирную блеющую отару...

- И козел сам оказался в ловушке?

- Да, он остановился у дверцы и принялся истошно мэкать. Вы знаете, как в страхе кричат горные козлы у нас на родине...

- Да, я слышал в детстве по ночам больных ослабевших муфлонов... Но ведь здоровый козел может прыгнуть очень высоко...

- На бойне были наглухо крытые коридоры, а дверца оказалась замкнутой изнутри. Он бил в нее рогами, копытами, а овцы напирала сзади. Его несло стадом прямо в жерло смерти, и он кричал, пытаясь по их спинам выбраться назад. Он прыгал много раз, и его все относило и относило назад...

- И чем все кончилось?.. Разве забойщики могли убить своего верного служащего, пусть даже и «провокатора»? - спросил Ли.

Преподаватель Ким тогда не ответил, и все стоявшие вокруг поняли, что Ким не зря рассказал о козле-провокаторе. Может, на самом деле козел и спасся, только Ким не хотел об этом говорить. Он хотел, чтобы у всех в памяти осталась эта жуткая картина: овцы толпятся к месту собственной гибели и среди них, осатанев от ужаса, мечется, сбиваемый потоком потных вонючих животных, мудрый и хитрый козел, знающий, куда ведет эта последняя дорога, крытая железом и деревом, обильно политая бараньей кровью...

«Наверное, - думал преподаватель Ли, - Кима арестовали за этот рассказ. Верно говорил ректор, пустые разговоры до добра не доведут...»

И он решил возвратиться домой, к жене...

Ли не поверил своим глазам, но это действительно было ласточкино гнездо. Он очень обрадовался, словно встретил на далекой чужбине старого друга. Но было особенно удивительно, что гнездо висело внутри помещения, на кухонной стене, плотно прижавшись к потолку.

Дома на родине строились с покатыми крышами: жестяной, черепичной или просто из высушенных дощечек или из соломы. И под карнизом, под застрехой обязательно лепили свои гнезда из лессовой глины ласточки. Спроси у любого корейского ребенка - где живут ласточки, и он, не задумываясь, ответит - под карнизом. Туда ежеминутно ныряют стремительные легкие птички.

Если бы кто сказал, что ласточки живут внутри дома, его бы сочли за сумасшедшего.

Но это гнездо находилось именно на кухне. Можно было подумать сначала, что это какая-то божница местных жителей. Все-таки дома были чужими; когда сюда поселили корейцев, они жили в бараках. Жители начали сдавать им комнаты совсем недавно.

Но как ни присматривался Ли, это было точно - ласточкино гнездо, слепленное из комочков глины пепельного цвета, с крошечным отверстием, из которого - чудо среди зимы! - доносилось попискивание птенцов... Нет, это ему почудилось.

Много удивительного видел Ли, пока обживался в Казахстане. Привык он и к плоским крышам, бесснежным зимам и пыльным бурям, от которых не было спасения даже в доме. Но чтобы ласточки вили гнезда внутри дома - это было впервые.

- Жена, выйдите, пожалуйста, сюда! - возбужденно крикнул он, приоткрыв дверь в комнату.

- Что случилось? - испугалась жена и торопливо вышла на кухню.

- Вы посмотрите, какое чудо! - он показал *ей* на гнездо у притолоки.

- Неужели это гнездо?

- Да, оно самое.

- А я-то подумала, что-нибудь случилось. Вы в первый раз, что ли, видите ласточкино гнездо?

- Да вы смотрите: оно же не на улице, оно у нас внутри. Внутри, рядом с нами!

- Действительно... Я почему-то не подумала об этом...

- Какие умные птицы! Если бы они прилепили его снаружи, на голой стене - они бы задохнулись от жары. А тут летом прохладно. Это же надо сообразить...

- Не могу понять, как они сюда залетают? Где дверь?.. А если она будет заперта? - озабоченно спросила жена.

Ли осмотрел кухню, ища лаз, в который могли проникнуть ласточки.

- Вот куда!

Над самой дверью у входа было крошечное световое оконце размером с голову ребенка. Стекло отколото, и в дырочку могло протиснуться тельце маленькой птички. Так, верно, и было на самом деле: весной птицы прилетали к родному гнезду и с невероятными трудностями выводили свое потомство. Сколько мучений они должны преодолеть, чтобы тысячи-тысячи раз на день проникать в дом, где слабым птенцам ежеминутно грозила смертельная опасность...

Но гнездо существовало, несмотря ни на что. И пусть в нем только почудились птенцы - какие птенцы в стужу? - но им обоим стало легче от своего открытия. Как будто они оба

нашли свой собственный путь к спасению.

- Говорят, если ласточки сошьют гнездо, в этот дом входит счастье, - произнес Ли.

- Но мы вселились позже ласточек...

- Не имеет значения. А вдруг... - тихо сказал Ли.

- Вот вы какой! Я и не знала, что вы такой суеверный...

И оба улыбнулись. Их давно не баловала радость. Ласточкино гнездо вернуло им надежду.

- Может быть, ласточки прилетают сюда с Дальнего Востока?

- Вы прямо как ребенок. Они же улетают далеко на юг, в теплые края... У нас они не зимуют.

- Значит, они улетают еще дальше. - С лица мужа сошла улыбка.

- Будет весна, будут и ласточки, - тихо сказала жена, как бы утешая мужа.

4.

Настало воскресенье. Однако преподаватель Ли проснулся рано, как обычно в дни занятий. В комнате было еще темно, только у пола, через щелку двери проникал свет из кухни. Это жена готовила завтрак на примусе. Ему было приятно все: теплое одеяло, керосиновый запах, приятная истома горячего тела... Зачесалось подмышкой. «Наверное, клопы», - подумал он. В доме водилось множество клопов. Но они с женой, как только вселились, вывели почти всех, травя керосином. «Отчего же такой зуд, - лениво подумал он, - верно, давно я не был в бане».

Надо было идти далеко, на край города, долго стоять в очереди и задыхаться потом в пару и духоте среди десятков моющихся, оголенно-бесстыдных тел... Но делать нечего, надо вставать. Зевая, он вылез из-под одеяла.

- Сегодня ведь выходной, - сказала удивленно жена, когда он в белье вышел на кухню, - отоспались бы лучше...

- Схожу в баню, - ответил Ли.

- В баню?

- А вы не хотите?

- Хорошо бы...

- Так собирайтесь.

- Но...

- Что, но...

- А голову?..

Вода в Кзыл-Орде была жесткая. Для женщин это суцая мука. В этой воде не пенилось мыло, превращаясь в какую-то жидкую мазь. Волосы прилипали друг к другу и, сколько ни полоскай, не промывались. Женщины рвали волосы, пытаясь расчесать их. Даже плакали от отчаяния и боли. Если мылись дома, то долго колдовали над водой: разбавляли воду уксусом, золой, даже разводили в ней дорогие куриные яйца. Другие по крохам собирали и топили снег, а весной копили в ведрах редкую дождевую воду.

Но в этом году снега совсем не было. Пыль и зола от топок были на улице, взвихренные ветром. Как помыть жене ее пышные, роскошные черные волосы, заплетенные в косу...

- А вы не мойте голову...

- Но я уже приготовила кашу. Пойдемте после завтрака.

Преподаватель подумал и решительно сказал:

- Кто же ходит в баню после еды. Есть будем потом. Собирайтесь.

Жена послушно отставила с примуса кашу, завернув кастрюльку в чистое полотенце. Открыла фанерный чемодан, где хранилось запасное белье, стиранное с таким трудом, с золой и щелоком, и сложила в кошелку - старую дерматиновую сумку. Для мужа она взяла смену нижнего белья и полотенце, а свое положила в таз. Они пошли вместе, и преподаватель Ли не стеснялся нести таз...

В бане было мало народу, и еще не пропиталось все неприятным запахом грязи и пота. Поэтому он парился от души. Ему почему-то пришло в голову, что это, может быть, последняя его баня. Снова стало страшно и тоскливо, когда он тер свое крепкое, совсем без морщин и складок, тело. Он представлял, что если что случится, то уж кому-кому, а телу его не сдобровать. Потом он оделся и высушил волосы в предбаннике у печки-буржуйки.

Жены дожидаться в общем коридоре ему пришлось недолго. Жена вышла, зная, что ее ждут. Голова ее была замотана полотенцем, а сверху - пуховый платок.

- Мыли голову? - спросил Ли.

- Да. Меня научили хорошему способу.

- Да? Как же это?

- Дома расскажу. Идемте скорее - холодно...

Они пошли домой. Возле продовольственного магазина увидели большую очередь: продавались свежемороженые сырдарьинские сазаны - громадные рыбины с полпуда каждая.

- Отличная, однако, рыба, - сказала жена.

- Купим? - спросил муж.

- А у вас деньги есть?

- Нет, только были на баню.

- Надо сходить домой, - сказала жена.

- Хорошо, вы занимайте очередь, а я мигом сбегаю. - Ли взял у жены таз и кошелку и торопливо направился домой.

Когда он проходил мимо своего института, то заметил, что входная дверь приоткрыта. «Может, кто из преподавателей там, не занять ли у него денег», - решил он и вошел в здание. Звуки раздавались на втором этаже, в преподавательской.

Поднялся и заглянул в преподавательскую. В ней находился истопник - грязный и по обыкновению пьяный человек. Он топил зачем-то печь, хотя надобности в этом в выходной день вроде бы не было.

Просить у пьянчуги деньги было неудобно, и Ли уже совсем было собрался уйти, как что-то его остановило. Странно было, что в комнате сложены грудями какие-то книги. Много книг. Он приблизился и увидел, что это... книги из институтской библиотеки. Те самые, которые везли тысячи километров с Дальнего Востока, бережно храня их, как святыню... Еще бы - здесь были десятки томов «Мунхэн биго»*, «Тонгук еди сыннам»** , написанные много веков назад... Возле печи, прямо у сапог истопника, он заметил учебник грамоты «Тысяча иероглифов» - тот, по которому он и его сверстники когда-то учились в деревенской школе грамоте..

Истопник прихватил из груды «Тэжден тхоньпхень»*** и нагнулся, чтобы удобнее просунуть неуклюжий том в зев ярко пылающей печи. Ужас объял преподавателя, и он, не помня себя, грубо оттолкнул истопника.

**«Мунхэн биго» - корейская энциклопедия, изданная в 1770 г. В 100 томах, 40 книгах. Она переиздавалась с дополнением. Последнее издание вышло в 250 томах, 50 книгах. Здесь говорится об этом издании.*

***«Тонгук еди сыннам» - книга о географии Кореи, изданная в конце XV века. В ней содержатся не только карты и географические описания, но и сведения об обычаях, преданиях, песнях и т.д.*

****«Тэждён тхонъхень» - Свод законов династии Ли (1392-1910).*

- Что вы делаете! Этого нельзя делать!

Истопник чуть не потерял равновесие, чертыхнулся и, пьяно ухмыляясь, сжал ладони в кулаки. Он был крупнее Ли и, видимо, не собирался ему уступить...

- Этого же нельзя делать, поймите, это государственное сокровище, бесценные книги... Вот я сейчас вызову милицию! Немедленно пойду и вызову милицию... - дрожа от страха, прокричал Ли, прижимая к животу учебник грамоты.

- Слушай, ты, японский шпион... В тюрьму, что ли, сам захотел? Мало вас, гадов, проучили - еще неймаз! Думаешь, мне делать нечего, что я тут маюсь в выходной. Ректор мне приказал, понял, самурайская гнида. Сам ректор, понял, дерьмо вонючее...

У Ли потемнело в глазах. Может быть, и правду говорит истопник, этот грубый невежа. И приказ пришел откуда-то свыше? Ведь корейцев переселили потому, что они не отличались внешне от японцев. И наверняка теперь велено сжечь все подозрительные книги, в которых непонятно что написано...

Но, возможно, ректор сам проявил инициативу. У ненадежной нации ненадежные книги. Лучше избавиться от них, как бы чего не вышло... И преподаватель Ли не имел права помешать истопнику, не мог запретить ему исполнить приказ. Да, он не мог запретить, но и не мог оставаться безучастным. Жечь классиков он не мог допустить. Зачем тогда жить на земле, если на твоих глазах сожгут память народа.

Лихорадочно озираясь, он судорожно схватил кочергу, стоявшую в углу.

- Не смей, не смей этого делать!

- Пошел вон отсюда, ублюдок! - истопник схватил том поувесистее, собираясь ударить преподавателя по голове.

- Папа! Папа! Дядя Вася под грузовик попал! - раздался мальчишеский голос, и в комнату вбежал сын истопника, такой же чумазый и неряшливый. Противники замерли.

- Чего тебе, щенок? - процедил истопник, опуская книгу.

- Дядя Вася из магазина шел, а его сбило...

- Налакался небось сукин кот. Ему и косушки много, старому хрену...

- Не, он был «хорошим» еще. Это грузовик, как пьяный, болтался и зацепил его. Мамка домой зовет, айда скорей...

- Тьфу, пащенко, всегда под руку лезешь, - сплюнул истопник и не решительно посмотрел на «японского шпиона», все еще стоявшего с кочергой в одной руке и учебником в другой.

- Вы идите, идите. Я побуду здесь, я все сделаю, - вдруг решил схитрить Ли и для убедительности сунул в ту же печь кочергу и пошурупил ею. - Идите, идите...

- А, провалитесь вы все, узкоглазые паскуды, - снова выругался истопник и добавил: - Смотри, я мигом...

Взяв пацана за ухо, он ушел, пнув попавшуюся ему на пути раскрытую книгу.

Едва они вышли, Ли начал собирать книги, задыхаясь от испуга и собственной смелости. План созрел в его голове мгновенно: нужно быстро перенести книги куда-то, где они будут вне подозрений, а тут изобразить грандиозный костер.

Сам Ли преподавал химию, и у него была отдельная лаборатория во дворе. Он решил, не мешкая, перенести туда хоть бы часть книг до того момента, когда истопник вернется. Ключ от лаборатории, к счастью, оказался у него в кармане пальто, и он, поспешно нагрузившись стопками, начал осуществлять свой замысел. Сначала он перенес наиболее древние книги, потом современные. Груда книг таяла медленно, и он задыхался от страха, что истопник вот-вот вернется. Но тот все не шел, и Ли успел перенести все книги до единой. Затем он собрал старые газеты, накопившиеся под лестницей. Он толкал их в печку, огонь пожирал... Ли все думал - как же все-таки быть с украденными книгами: ведь если догадаются, что они в лаборатории, он будет отправлен куда дальше, чем преподаватель Ким, рассказавший невинную байку о козле-провокаторе...

Мысль, внезапно пришедшая к нему в голову, показалась удачной: книги надо будет анонимно отправить в какую-нибудь крупную библиотеку, специалистам. Анонимно, потому что, возможно, станут интересоваться - кто отправил эту сокровищницу. Впрочем, образованным людям нет дела до всяких агентов и шпионов...

Решив так, он остановился. Газет и картонных оберток сгорело много. Куча пепла наполнила целых три ведра, и истопник ни о чем бы не догадался, будь хоть он каким цепным псом у ректора. Ли спокойно поставил в угол ставшую ненужной кочергу и ушел из здания, ликуя от радости и одновременно терзаясь - как перевезти книги из лаборатории на вокзал.

Об истопнике он уже не думал. Не думал он и о том, как повезло ему. Впрочем, так и должно было случиться. Если ласточки пролетают в крохотную дырочку в окне, то и для него, маленького сына деревенского бедняка, должна была найтись такая щелка в жизни, в которой он бы почувствовал себя человеком...

Только сейчас он вспомнил, что шел домой за деньгами, что его жена стоит в очереди за крупной рыбой, что она - после бани и могла давно замерзнуть на холодном зимнем ветру.

Но он шел, гордясь втайне собою, - бесценные книги все-таки спас не кто-нибудь, а именно он.

Жена долго ждала мужа в магазине, но его все не было. К счастью, в магазин зашла соседка по улице, и жена Ли взяла у нее займы, чтобы купить сазана. Рыба была тяжелой, и жена с трудом донесла ее до дома, ведь у нее не было ни кошелки, ни таза, который унес муж. Но мужа самого не было дома, и деньги были на месте. Что-то случилось, со страхом подумала она. А вдруг его арестовали - такие случаи были, людей забирали прямо на улице.

Но для этого нужна была машина. Непременно машина, это она знала точно. А ведь кроме сумасшедшего грузовика, беснующегося на улицах Кзыл-Орды, днем ни одна машина по городу не проезжала. Она села возле рыбины и принялась молча ждать, как ждут у очага корейские женщины.

Муж пришел, когда у нее уже иссякли силы ждать. Она прижалась к его груди и мелко-мелко дрожала...

- Простите, ради бога, простите. Задержался по неотложному делу, поверьте, - обнимая голову жены с распущенными, еще не высохшими волосами, извинялся Ли.

- Как вы меня напугали. Неужели нельзя было хоть на минуту заглянуть и сказать...

- Не мог, поверьте, не мог. Дайте мне деньги, которые у нас есть... Этого жена совсем не могла ожидать.

- Деньги? - переспросила она мужа, подняв на него влажные от слез глаза.

- Да, все деньги. Я потом объясню. Пожалуйста, поскорее.

- Но что мы будем потом есть? Это деньги на целый месяц... – Ей было страшно, и она не хотела отдавать деньги. Но муж ждал, и она не смела перечить ему.

- Скоро получу зарплату, - сказал Ли. Он говорил наобум, ибо сам не был уверен, будет ли он вообще отныне получать зарплату. Если хоть малейшее подозрение выскажет истопник или ректор узнает о его поступке - зарплату не будет.

- Хорошее дело я делаю, жена, - сказал он и начал шарить на кухне в поисках молотка и гвоздей. Потом он вышел, купил в магазине два ящика из-под макарон и донес их до лаборатории.

- Давай быстрее, быстрее, - говорил он себе, упаковывая книги, затягивая ящики железными полосками и забивая их на углах гвоздями. Книги заняли два больших ящика, и остались еще три тома «Истории Кореи». Они были в желто-оранжевой обложке, зашнурованной тонкой красной тесьмой. Преподаватель Ли перевернул обложку. На титульном листе стояла большая красная печать: «Управление образования»... Несомненно, книга находилась в одной из библиотек Сеула до аннексии Кореи Японией. Ему стало страшно: книги от японцев были переправлены во Владивосток, в Россию. Может, тогда их тоже спасал, но не какой-нибудь перепуганный тихий учитель, а некий другой Ли, тайком вывозя их мимо вооруженных патрулей по морю, в рыбацкой джонке или под слоем овощей в бедняцкой повозке... А теперь он спасет их. От другой власти. От безграмотных, трусливых чиновников другого управления образования... Что-то будет с ними?

Но раздумывать больше не было времени. Он втиснул последние три тома и, плотно придавив ногой крышку, яростно колотил по ней молотком. Закончив с упаковкой, подумал и написал на крышке: «Алма-Ата, Государственная библиотека».

Обратный адрес он решил не указывать и пошел на базар искать повозку. Базар уже разошелся, но по дороге попался ему русский с лошадьё и телегой. Бородачу-русскому было за пятьдесят, и он был явно из местных казаков.

- Не подвезете ли груз? - спросил он хозяина, когда тот поравнялся с ним.

- А велик ли груз-то, браток? - со спокойной добродушной усмешкой спросил бородач.

- Два фанерных ящика...

- И откуда и куда везти?

- Из «Красной крепости»... Знаете такую?

- Как не знать, браток. Сидели мы в ей, ох и крепко сидели. Теперь, стало быть, вас туда определили. Получше-то места не нашлось?

- А везти на станцию. Только на станцию и все...

- А сколь дашь на овес?..

- Хорошо заплачу, хорошо. Овес нынче дорог, я знаю, - пытался попасть в тон возчику преподаватель Ли.

Вдвоем они погрузили массивные ящики в телегу. Лукавый казачина подмигнул корейцу.

- Небось запретку везешь, азиат...
- Нет, нет, это книги. Просто книги, - поспешил успокоить того преподаватель.
- Знамо дело - книги не гробы. Им умирать не положено, - ответил ему возчик и понукал охолодавшую от вечерней стужи лошадь. - Но, родимая, давай, пока комиссары не зыркают!..

Ли шел немного в отдалении от повозки, опасаясь, чтобы его не встретил кто-нибудь из знакомых. Бородач понял его и делал вид, что не имеет ровно никакого отношения к этому озябшему корейцу (так он решил про себя наметанным глазом, прикинув, во что встанет погрузка и перегрузка). Когда они въехали на привокзальную площадь, Ли нагнал повозку и торопливо сказал:

- К багажному отделению, пожалуйста.
- Ясно дело - не в кабинет к начальнику, - хмыкнул крепкий казак и добавил: - Готовь деньги, бедолага...

Преподаватель Ли мог бы жить на эти деньги две недели, но он безропотно отдал их в руки бородача, когда груз опустили возле дверей багажного отделения.

- Как вы думаете, у меня примут груз без паспорта? - тихо спросил он возчика.
- Кто его знает. Им виднее. У тебя, что ли, и документа нет, браток? Выковыренный, стало быть?

- Да, эвакуированный, с Дальнего Востока, - грустно ответил Ли. Все в городе знали, что корейцы жили без паспортов и без права на выезд.

- Ладно, твоему горю подсоблю. У меня тут один корешок обретается. - Возчик постучал кнутовищем по железному замку. - Михаил, открывай, гостя тебе привез...

Дверь рядом открылась, и из дежурки вышел другой бородач, с черной окладистой бородой и озорными веселыми глазами. Преподаватель Ли стоял между рослых казаков, каждый из которых свободно мог передать его в руки любому милиционеру, но - странное дело - он все больше успокаивался. Высокие люди всегда добрые.

- Как дела, Михаил? На сайгака ходил? - поинтересовался возчик, спокойно взяв ключ из рук приятеля и размыкая замок.

- Собираюсь покамест... А ты с чем его привез, ходю-то своего?

- Какая разница, с чем. Грузи, знай, да квитанцию пиши. Мало ли чего этим бедолагам отправлять надо... Маются они тут.

- Адреса обратного нет. Не положено. И документ показывать требуется, - заворчал было Михаил, да остановил его возчик.

- Ты меня пиши в обратном адресе. Согласен, браток?

- Согласен. Это только книги, старинные книги, ничего опасного. В библиотеку посылаю, поймите...

Весовщик подумал и выписал квитанцию.

- Смотри, Евсей Григорьевич, тебя привлекут, коли что...

- Не видишь, человек со страху дрожит, их вон как пугают. Важный, почитай, день, а я-то уже пуганный...

Получив квитанцию, возчик, к удивлению Ли, вдруг расплатился сам за тариф из тех денег, что получил за провоз ящиков. Когда Ли сделал протестующее движение, бородач засмеялся враз:

- Иди, иди, браток. Все будет в порядке. Завтра твой груз уедет...

5.

Занимался новый день. Преподавателю Ли почудилось, что солнце всходит с запада. Прошло почти полгода, как его привезли в этот город, но он все еще путал запад с востоком...

Торопливо одевшись, он пошел в институт. Ветер снова гнал пыль вдоль улиц. Но сегодня было особенно много ворон. Они сидели на голых ветках карагачей и каркали, предсказывая что-то пугающее и непонятное. Видимо, они прилетели из степи, где нельзя укрыться от ветра. Но Ли казалось, что они специально расселись на деревьях по всему его пути, чтобы ни на минуту его не покидал страх.

И, правда, во дворе института собралось много народу. Это был недобрый знак. Может, кто-то узнал о пропаже книг? Или он оставил огонь в печи и что-нибудь сгорело?.. У него засосало под ложечкой.

Но, к счастью, люди стояли, потому что двери были закрыты. Истопник, он лее и сторож, жил неподалеку, и все ждали, когда вернется посланный за ключами студент. Скоро тот вернулся и принес ключи. Сам истопник пребывал в глубоком похмелье и даже не пришел.

Дверь открыли, и все вошли в институт. В преподавательской были тот же разор и неразбериха, как и при уходе Ли: и на полу, и в ведрах, и даже эмалированном тазу (Ли со страхом узнал свой забытый второпях таз из бани!) - везде пепел, клочки бумаги и картона. Все замерли в недоумении.

- Кто сжег столько бумаги? - сказал один из преподавателей, вглядываясь в переполненный пеплом таз.

- Не книги ли тут жгли? - подхватил другой. Страшная тишина повисла в преподавательской.

Поскрипывая кожаными бурками, в помещение вошел ректор. В ондатровой шапке и барсучьей шубе. Он оглядел спокойно остолбеневших преподавателей, бросил взгляд на пепелище и зычно произнес:

- Прошу немедленно начинать занятия. А это... Товарищ Ли, распорядитесь, пусть ваши студенты наведут здесь порядок.

Он вышел так же величественно, как и вошел. Педагоги втянули головы в плечи и покорно разошлись. У Ли не оставалось сомнений: ректор действительно отдал приказ о сожжении книг и теперь, убедившись в его реализации, удалился с сознанием исполненного гражданского долга.

«Мерзавец», - подумал про себя Ли и оглянулся: не произнес ли он этого вслух. Он распорядился, и в комнате уже суетились студенты, подметая пол и растапливая заново печь - в здании стоял холод и надо было хорошенько его протопить. Никто не заметил, как исчез таз преподавателя Ли. Таз, без которого невозможно теперь ходить в баню...

Вечером Ли поспешил к вокзалу. Он не решился заходить в помещение, чтобы не привлечь внимания милиционеров. Корейцу не положено уезжать, значит, нечего ему тут делать. Ли решил спрятаться у багажного склада, чтобы убедиться в отправке груза. Ему хотелось увидеть своими глазами, иначе не успокоиться.

Кругом пусто. Станция маленькая. Редко-редко проходили люди, спеша к алмаатинскому поезду. «Большое счастье - ездить куда хочешь», - подумал Ли. Его снова начал преследовать страх. А вдруг обнаружат, примут за злоумышленника. Чего доброго решат, что он хочет поджечь склад или напасть на служащих госпредприятия. Железная дорога

строго охранялась, он это знал.

«Куда деваться», - думал он и решил перейти через пути в сторону «Шанхая» - землянок, вырытых новыми, только что приехавшими переселенцами. Отсюда тоже можно наблюдать за погрузкой.

Ударил колокол. Вдали показались мерцающие точки, и вот уже с грохотом состав, гремя стыками вагонов, остановился на путях. Сошли несколько человек, и Ли было видно, как замелькали их ноги между колес. Но груз все еще не везли. Ведь поезд стоял всего несколько минут. Ли нервничал. В беспорядке забилося сердце. Ему хотелось даже крикнуть, и он с трудом сдерживал себя. Наконец раскрылись двери склада. Колеса тележки, сопровождаемые чьими-то разлапистыми ножищами в сапогах, подкатили к багажному вагону, и он услышал, как ящики - его ящики - грузно шлепались на пол вагона. Сапожища потоптались возле вагона: это передавали бумаги, разглядывали при свете ручных фонарей накладные.

- Скорее, скорее бы уезжали, - шептал про себя Ли, чувствуя, как горячая волна радости поднимается во всем его теле. Поезд тронулся, набирая скорость.

- Дорогие мои! Счастливого пути! Счастливой судьбы вам! Мы еще увидимся, обязательно увидимся, - бормотал теперь уже громче преподаватель Ли, и голос его перекрывал грохот тяжелого поезда... Вот уже мелькнул и исчез красный огонек последнего вагона. Стало тихо, и тут страх отпустил, совсем отпустил утомленного, измученного им корейца.

Эпилог

Дорогой читатель! Может быть, вам интересно знать, что стало с теми книгами? Не буду томить загадками. Книги дошли до адресата. Правда, долго они хранились в подвалах алмаатинской библиотеки. И нашли их уже после Великой Отечественной войны. Некоторые экземпляры попортились, но в основном они сохранились. Сейчас они стоят в специальных футлярах, в хорошо проветриваемом помещении Казахской государственной библиотеки имени А.С.Пушкина. Почти триста томов, которых нет больше нигде в библиотеках нашей страны...

Книги эти пока никто не читает. С тех пор, как закрыли единственный в стране Корейский педагогический институт, прошло полвека. Некому учить детей родному языку. Некому прочитать сложные мудрые тексты многовековой давности.

Но придет пора - я верю, - и люди придут в библиотеку казахской столицы, извлекут из футляров бесценные книги и, может быть, там найдут тайну моего несгибаемого народа, к которому я принадлежу. Как и мой герой - скромный бесстрашный преподаватель Ли, чья история изустно живет среди людей старшего поколения. Он тоже верил в то, что книги обязательно будут читаться.

Непременно...

«Простор» – №8, 2008